

ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР

КУРС ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

§ 1. Знак, означаемое, означающее

Для многих людей язык по своей основной сути представляется номенклатурой, т. е. перечнем терминов, соответствующих такому же количеству вещей.

Такое представление может быть подвергнуто критике во многих отношениях. Оно предполагает наличие уже готовых идей, предшествующих словам; оно ничего не говорит о том, какова природа названия - звуковая или психическая, ибо слово *дерево* может рассматриваться и под тем и под другим углом зрения, наконец, оно позволяет предположить, что связь, соединяющая имя с вещью, есть нечто совершенно простое, что весьма далеко от истины. Такая упрощенная точка зрения может все же приблизить нас к истине, обнаруживая перед нами, что единица языка есть нечто двойственное, образованное из сближения двух моментов.

Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств, он - чувственный образ, и если нам случается называть его "материальным", то только в этом смысле и из противопоставления второму моменту ассоциации - понятию, в общем более абстрактному.

Психический характер наших акустических образов хорошо обрисовывается из наблюдения над нашей собственной речевой практикой. Не двигая ни губами, ни языком, мы можем говорить сами с собою или мысленно повторять стихотворный отрывок...

Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность...

Оба эти элемента теснейшим образом между собою связаны и друг друга притягивают. Ищем ли мы смысл слова *дерево* или слово, которым обозначается понятие "дерево", ясно, что только те сближения, которые освящены языком, нам кажутся согласными с действительностью, и мы откидываем всякое иное, могущее представиться воображению.

Это определение ставит важный терминологический вопрос. Мы называем *знаком* комбинацию понятия и акустического образа, но в ходячем употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например слово (*дерево* и т. д.). Забывают, что если *дерево* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие "дерево", так что идея чувственной стороны подразумевает идею целого.

Двусмысленность исчезнет, если называть все три наличных понятия именами, связанными друг с другом, но вместе с тем взаимно противопоставленными. Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означаемое* и *означающее*; эти последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними, так и между целым и ими как частями этого целого. Что же касается термина *знак*, то мы довольствуемся им, не зная, чем его заменить, так как обиходный язык не выдвигает никакого иного возможного термина.

Языковой *знак*, как мы его определили, обладает двумя первостепенного значения свойствами. Указывая на них, мы тем самым формулируем основные принципы изучаемой нами отрасли знания.

§ 2. Первый принцип: произвольность знака

Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: *языковой знак произволен*.

Так, идея "сестра" никаким внутренним отношением не связана со сменой звуков s-o-g (soeur), служащей во французском языке ее "означающим"; она могла бы быть выражена любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самым фактом существования различных языков; означаемое "бык" выражается означающим b-o-f (фр. boeuf) по одну сторону лингвистической границы и o-k-s (нем. Ochse) по другую сторону. Принцип произвольности знака никем не оспаривается, но часто гораздо легче открыть истину, нежели отвести ей подобающее место; Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; последствия его неисчислимы. Правда, они не обнаруживаются все с первого же взгляда с одинаковой очевидностью; только после многих блужданий можно их открыть и установить первостепенную важность названного принципа.

Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом *символ*. Применять его не вполне удобно именно в силу нашего первого принципа. Символ характеризуется

тем, что он не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало - колесницей, например.

Слово *произвольный* также вызывает замечание. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее зависит от свободного выбора говорящего субъекта (как мы ниже увидим, индивид не властен внести и малейшее изменение в знак, уже установившийся в языковом коллективе); мы хотим сказать, что оно *немотивировано*, т. е. произвольно по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи.

Отметим в заключение два выражения, которые могут быть выдвинуты против этого первого принципа.

(*335) 1. Можно сослаться на *ономатопею* (явление звукописи) в доказательство того, что выбор означающего не всегда произволен. Но ведь явления звукописи никогда не являются органическими элементами в системе языка. Число их к тому же гораздо ограниченнее, чем обычно думают. Такие французские слова, как *fouet* - хлыст и *glas* - колокольный звон, могут поразить ухо эмоциональностью своего звучания, но достаточно обратиться к их латинским праформам (*fouet* от *f?agus* - бук, *glas* от *classicum*), чтобы убедиться в том, что они первоначально не имели такого характера; качество их теперешних звуков, или, вернее, приписываемое им, есть случайный результат фонетической эволюции.

Что касается подлинных звукоподражаний (типа *буль-буль*, *тик-так*), то они не только малочисленны, но и выбор их до некоторой степени произволен, поскольку они лишь приблизительные и наполовину условные имитации шумов (ср. фр. *оаоа*, нем. *wau-wau*, рус. *гам-гам тяв-тяв* как имитация лая). Кроме того, дойдя в язык, они в большей или меньшей степени подпадают фонетической, морфологической и всякой иной эволюции, которой подвергаются остальные слова (ср. фр. *pigeon* - голубь, происходящее от вульгарно-латинского *pīri?o* восходящего к звукоподражанию), - очевидное доказательство того, что они утратили нечто из своей первоначальной характеристики и приняли свойство вообще языкового знака, который, как мы указывали, не мотивирован.

2. *Восклицания*, весьма близкие к звукоподражаниям, вызывают аналогичные замечания и тоже ничуть не опровергают нашего тезиса. Казалось бы, возможно рассматривать их как непосредственные выражения реальности, так сказать, продиктованные самой природой. Но в отношении большинства из них можно отвести предпосылку, будто существует необходимая связь между их означаемым и означающим. Достаточно сравнить соответствующие примеры из разных языков, чтобы убедиться, насколько в

них разнятся эти выражения (например, фр. *aie!* соответствует нем. *au!*, рус. *ой!*). Известно к тому же, что многие восклицания восходят к словам определенного смысла (ср. рус. *черт!*, фр. *diable, mordiau!* = *mort Dieu* и др.).

Итак, можно прийти к выводу, что и звукоподражания и восклицания по своему значению второстепенны и их символическое происхождение во многих случаях спорно.

НЕИЗМЕНЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЗНАКА

§ 1. Неизменчивость знака

Если по отношению к изображаемой им идее означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, оно навязано. У общественной массы мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим. Этот (*336) факт, кажущийся противоречивым, мог бы шуточно быть назван "вынужденным карточным ходом". Языку как бы говорят: "Выбирай!", но прибавляют: "Ты выберешь вот этот знак, а не другой". Не только индивид не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже выбор, но и сама масса не в состоянии обнаружить свою власть ни над одним словом; она связана с языком таким, как он есть.

Таким образом, язык не может быть уподоблен договору в его чистом и простом виде; с этой именно стороны языковой знак представляет особенный интерес для изучения, ибо если хотят показать, что действующий в коллективе закон есть нечто, чему подчиняются, а не свободно принимают, то нет этому более блестящего подтверждения, чем язык.

Посмотрим, каким же образом языковой знак ускользает от нашей воли, и затем покажем важные последствия, которые из этого вытекают.

Во всякую эпоху, как бы мы ни углублялись далеко в прошлое, язык всегда выступает как наследие предшествующей эпохи. Акт, в силу которого в определенный момент имена были присвоены вещам, в силу которого был заключен договор между понятиями и акустическими образами,- такой акт, хотя и вообразимый, никогда констатирован не был. Мысль, что так могло произойти, подсказывается нам лишь нашим очень острым чувством произвольности знака.

Фактически всякое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествовавших поколений и должен быть принят таким, как он есть. Вот почему вопрос о происхождении языка не так важен, как это думают. Такой вопрос не к чему даже ставить; единственный реальный объект лингвистики - это нормальная и регулярная жизнь уже установившегося наречия. Данное состояние языка всегда есть продукт

исторических факторов, которые и объясняют, почему знак неизменчив, т. е. почему он не поддается никакой произвольной перемене.

Но утверждение, что язык есть наследие прошлого, решительно ничего не объясняет, если этим только и ограничиться. Разве нельзя изменить в любую минуту существующие и унаследованные законы?

Высказав такое сомнение, мы вынуждены, подчеркнув социальную природу языка, поставить вопрос так, как мы бы его ставили в отношении прочих социальных общественных установлений. Эти последние как передаются? Вот где более общий вопрос, покрывающий и вопрос неизменчивости. Прежде всего надо выяснить, какой степенью свободы пользуются прочие установления; мы увидим, что в отношении каждого из них различно складывается баланс между навязанной традицией и свободной деятельностью общества. Надо, далее, установить, почему в данной категории факторы одного рода более действенны (или менее), чем факторы (*337) второго рода. И, наконец, возвратившись к языку, мы спросим себя, почему исторический фактор господствует в нем полностью и исключает возможность какой-либо общей и внезапной языковой перемены.

В ответ на этот вопрос можно было бы выдвинуть множество аргументов и указать, например, на то, что модификации языка не связаны со сменой поколений, которые вовсе не ложатся пластами одно на другое и не представляют подобия ящиков комода, но перемешаны и проникают одно в другое, причем каждое из них включает индивидов различных возрастов. Можно было бы указать и на сумму усилий, требующуюся при обучении родному языку, из чего нетрудно заключить о невозможности общей перемены. Можно было бы добавить, что рефлексия не участвует в использовании того или другого наречия, что сами говорящие в значительной мере не осознают законов языка, а если и осознают, то не в силах их видоизменить. Но даже относись они сознательно к лингвистическим фактам, разве не общеизвестно, что эти факты почти вовсе не подвергаются критике в том смысле, что каждый народ в общем доволен выпавшим ему на долю языком.

Все эти соображения не лишены основательности, но суть не в них; мы предпочитаем нижеследующие, более существенные, более прямые соображения, такие, от которых зависят все прочие.

1. Произвольность знака, по поводу которой мы выше допускали теоретическую возможность перемены. Углубляясь в вопрос, мы усматриваем, что в действительности самая произвольность знака защищает язык от всякой попытки, направленной к его изменению. Говорящая масса, будь она даже сознательнее, не могла бы обсуждать вопросы языка. Ведь для того чтобы подвергать обсуждению какую-либо вещь, надо, чтобы она

отвечала какой-то разумной норме. Можно, например, спорить, какая форма брака рациональнее - моногамия или полигамия - и приводить доводы в пользу той или другой. Можно также обсуждать систему символов, потому что символ находится в отношениях рациональной связи с означаемой вещью, но в отношении языка, системы символов произвольных, не на что опереться. Вот почему исчезает всякая почва для обсуждения; нет ведь никаких мотивов предпочитать одно из следующего ряда слов: soeur - Schwester - *сестра* или boeuf - Ochs - *бык* и т. п.

2. Множественность знаков, необходимых для образования любого языка. Значение этого обстоятельства немаловажно. Система письма, состоящая из 20-40 букв, может быть, куда ни шло, заменена другой. Но нельзя этого сделать с языком, который включает не ограниченное количество элементов, а бесчисленное количество знаков.

3. Слишком сложный характер системы. Язык образует систему. Хотя, как мы увидим ниже, с этой именно стороны он не целиком произволен и в нем господствует относи-(*338)тельная разумность, но вместе с тем именно здесь и обнаруживается неспособность массы его преобразовать. Ибо эта система представляет собой сложный механизм; овладеть ею можно лишь путем размышления; даже те, кто изо дня в день ею пользуется, в самой системе ничего не смыслят. Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматиков, логиков и т. д. Но опыт показывает, что до сего времени такого рода поползновения успеха не имели.

4. Сопrotивление коллективной косности всякому лингвистическому новшеству. Все вышеуказанные соображения уступают в своем значении нижеследующему: в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого; будучи распространен в массе и служа ей, язык есть нечто такое, чем индивиды пользуются постоянно и ежечасно. В этом отношении его никак нельзя сравнивать с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии, морские сигналы и проч. привлекают единовременно лишь ограниченное количество лиц и на ограниченный срок; напротив, в языке каждый принимает участие ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Этого одного основного факта достаточно, чтобы показать невозможность в нем революции. Из всех общественных установлений язык представляет наименьшее поле для инициативы. Его не оторвать от жизни общественной массы, которая, будучи по природе инертной, выступает прежде всего как консервативный фактор.

Все-таки еще недостаточно сказать, что язык есть продукт социальных сил, чтобы стала очевидной его несвобода; помня, что язык всегда унаследован от предшествующей эпохи, мы должны добавить, что эти социальные силы действуют в функции времени. Если язык устойчив, то это не только потому,

что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он расположен во времени. Эти два факта неразъединимы. Солидарность с прошлым ежеминутно давит на свободу выбора. Мы говорим *человек* и *собака*, потому что до нас говорили *человек* и *собака*. Это не препятствует тому, что во всем феномене в целом всегда налицо связь между двумя антиномическими факторами: произвольной договоренностью, в силу которой выбор свободен, и временем, благодаря которому выбор оказывается фиксированным. Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и только потому он может быть произвольным, что опирается на традицию.

§ 2. Изменчивость знака

Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает на него и другое действие, кажущееся противоречивым по отношению к первому, а именно: оно с большей или меньшей быстротой под-(*338)вергает изменению языковые знаки, так что возможно говорить в некотором смысле и о неизменчивости и об изменчивости языкового знака¹.

В конце концов оба эти факта взаимно обусловлены: знак подвержен изменению, потому что он не прерывается. При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала; неверность прошлому лишь относительная. Вот почему принцип изменяемости опирается на принцип непрерывности.

Изменяемость во времени принимает различные формы, каждая из которых могла бы послужить материалом для большой главы в теории лингвистики. Не вдаваясь в подробности, вот что необходимо выяснить.

Прежде всего разберемся в том смысле, который приписан здесь слову "изменяемость". Оно могло бы породить мысль, что здесь специально идет дело о фонетических изменениях, претерпеваемых означаемым, или же о смысловых изменениях, затрагивающих означаемое понятие. Такой взгляд был бы недостаточен. Каковы бы ни были факторы изменяемости, действуют ли они изолированно или комбинированно, они всегда приводят к *сдвигу отношения между означаемым и означаемым*.

Вот несколько примеров. Лат. *pec?are*, означающее "убивать", превратилось во фр. *pouer* со значением "топить (в воде)". Изменились и акустический образ и понятие, но бесполезно различать эти обе стороны феномена; достаточно констатировать в совокупности, что связь между идеей и знаком ослабела и что произошел сдвиг в их взаимоотношении. Если сравнивать классически латинское *pec?are* не с французским *pouer*, но с вульгарно-латинским *pec?are* IV и V вв., означающим "топить", то получается случай

несколько иной, но и здесь, хотя и нет заметного изменения в означаемом, имеется сдвиг в отношении между идеей и знаком.

Старонемецкое *dritteil* - треть в современном немецком языке превратилось в *Drittel*. В данном случае, хотя понятие осталось тем же, отношение изменилось двояким образом: означаемое видоизменилось не только в своем материальном аспекте, но и в своей грамматической форме; оно более не включает идеи *Teil* (часть); оно стало простым словом. Так или иначе, здесь опять же сдвиг, в отношениях идеи и знака.

В англосаксонском языке дописьменная форма *f?ot* - нога сохранилась в виде *f?ot* (совр. англ. *foot*), а множественное число **f?oti* - ноги превратилось в *f?et* (совр. англ. *feet*). Какие бы изменения здесь ни подразумевались, ясно одно: произошел сдвиг в от-(*339)ношении, возникли новые соответствия между звуковым материалом и идеей.

Язык по природе своей бессилен обороняться против факторов, постоянно передвигающих взаимоотношения означаемого и означющего. В этом одно из следствий произвольности знака.

Прочие человеческие установления - обычаи, законы и т. п. - все основаны в различной степени на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями. Даже мода, устанавливающая наш костюм, не вполне произвольна: нельзя отклониться далее определенной меры от условий, диктуемых человеческим телом. Язык же, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств, ибо нельзя себе представить, что могло бы воспрепятствовать ассоциации какой угодно идеи с любым рядом звуков.

Желая ясно показать, что язык есть социальный институт в чистом виде, Уитней справедливо подчеркивал произвольный характер знаков; тем самым он поставил лингвистику на ее настоящий путь. Но он не дошел до конца и не разглядел, что своим произвольным характером язык резко отделяется от всех прочих социальных установлений. Это обнаруживается в том, как он развивается; нет ничего более сложного: он находится одновременной в социальной массе и во времени; никто ничего не может в нем изменить, а между тем произвольность его знаков теоретически обосновывает свободу устанавливать любое отношение между звуковым материалом и идеями. Из этого следует, что оба элемента, объединенные в знаке, живут совершенно в небывалой степени обособленно и что язык изменяется, или, вернее, эволюционирует, под воздействием всех сил, могущих повлиять либо на звуки, либо на смысл. Эта эволюция происходит всегда и неуклонно; нет примера языка, который был бы свободен от нее. По истечении некоторого промежутка времени в каждом языке можно всегда констатировать ощутительные сдвиги.

Это настолько верно, что принцип этот можно проверить и на материале искусственных языков. Любой искусственный язык, покуда он еще не вступил в общее пользование, находится в, руках своего автора, но как только он начинает выполнять свое назначение и становится общей собственностью, контроль над ним улетучивается. К числу попыток этого рода принадлежит эсперанто; если этот язык получит распространение, ускользнет ли он от действия закона эволюции? По истечении первого периода своего существования этот язык вступит, по всей вероятности, в условия семиологического развития: он станет передаваться в силу законов, ничего общего не имеющих с законами обдуманного создания, и вернуться вспять уже будет нельзя. Человек, который пожелал бы составить неизменяемый язык для пользования будущих поколений, походил бы на курицу, высижившую утиное яйцо: созданный им язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим все языки.

Непрерывность знака во времени, связанная с его изменяемостью во времени, есть принцип общей семиологии; этому можно было бы найти подтверждения в системах письма, в языке глухонемых и т. д.

Но на чем основывается необходимость изменения? Нас, быть может, упрекнут, что мы меньше разъяснили этот пункт, чем принцип неизменяемости; это потому, что мы не выделили различных факторов изменяемости; надо было бы их рассмотреть в их разнообразии, чтобы установить, до какой степени они неизбежны.

Причины непрерывности а priori доступны наблюдению; иначе обстоит с причинами изменяемости в разрезе времени. Лучше пока отказаться от их точного выяснения и ограничиться общим рассуждением о сдвиге отношений; во времени изменяется все; нет оснований, чтобы язык избег этого общего закона.

Восстановим этапы нашего построения, увязывая их с установленными во введении принципами.

1. Избегая бесплодных определений слов, мы прежде всего различили внутри общего феномена, каким является *речевая деятельность* (langage), два фактора: *язык* (langue) и *речь* (parole). Язык для нас - это речевая деятельность минус сама речь. Он есть совокупность лингвистических навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым.

2. Но такое определение все еще оставляет язык вне социальной реальности, оно представляет его чем-то нереальным, так как включает лишь один аспект реальности, аспект индивидуальный; чтобы был язык, нужна *говорящая масса*. Язык никогда, наперекор видимости, не существует вне социального факта, ибо он есть семиологический феномен. Его социальная природа - одно

из его внутренних свойств; полное его определение ставит нас перед лицом двух неразрывно связанных явлений.

Но в этих условиях язык только жизнеспособен, но еще не живет; мы приняли во внимание лишь социальную реальность, но не исторический факт.

3. Может показаться, что язык, поскольку он определяется произвольностью языкового знака, представляет собой свободную систему, организуемую по усмотрению, зависящую исключительно от принципа рациональности. Такой точке зрения, собственно, не противоречит и взятый сам по себе социальный характер языка. Конечно, коллективная психология не оперирует на чисто логическом материале; не лишне вспомнить и о том, как разум сдает свои позиции в практических отношениях между человеком и человеком. И все же рассматривать язык как простую условность, доступную видоизменению по воле участников, препятствует нам не это, но действие времени, сочетающееся с действием социальной силы; вне категории времени лингвистическая реальность неполна, и никакой вывод не возможен.

Если бы мы взяли язык во времени, но без говорящей массы (предположим, что живет человек в течение нескольких веков совершенно один), в нем не оказалось бы, может быть, никакого (*342) изменения; время не проявило бы своего действия. И обратно, если рассматривать говорящую массу вне времени, не увидишь действия на язык социальных сил. Чтобы приблизиться к реальности, нужно, следовательно, прибавить к нашей первой схеме знак, указывающий на движение времени. Теперь уже язык теряет свою свободу, так как время позволяет воздействующим на него социальным силам развивать свое действие; мы приходим, таким образом, к принципу непрерывности, аннулирующей свободу. Но непрерывность по необходимости подразумевает изменяемость, т. е. более или менее значительные сдвиги в отношениях.